

Некрасова Анастасия Сергеевна,
Студент, ФГБОУ ВО «ВГПУ»
Nekrasova Anastasia Sergeevna
Voronezh State Pedagogical University

ХРИСТИАНСТВО И ЯЗЫЧЕСТВО В ИСЛАНДИИ ПО «САГА О НЬЯЛЕ» CHRISTIANITY AND PAGANISM IN ICELAND BASED ON THE NYALA SAGA

Аннотация. В статье анализируется процесс взаимодействия языческого и христианского мировоззрений в средневековой Исландии на материале «Саги о Ньяле». В рамках данной работы рассматриваются ключевые ценности обеих религиозных систем и обосновывается вывод о том, что их столкновение завершилось не вытеснением одной традиции другой, а формированием уникального синтеза, обеспечившего сохранение культурной преемственности.

Abstract. The article analyzes the process of interaction between pagan and Christian worldviews in medieval Iceland based on the "Saga of Njala". This work examines the key values of both religious systems and substantiates the conclusion that their clash resulted not in the displacement of one tradition by another, but in the formation of a unique synthesis that ensured the preservation of cultural continuity.

Ключевые слова: «Сага о Ньяле», христианизация Исландии, языческое миропонимание, двоеверие, честь, месть, рок, прощение.

Keywords: «The Saga of Njala», the Christianization of Iceland, pagan worldview, double faith, honor, revenge, fate, forgiveness.

В настоящее время исследователи всё чаще обращаются к теме культурного диалога и смены религиозных традиций в обществе. Это связано с интересом к национальной идентичности и желанием понять, как людям удаётся сохранять единство в переломные моменты истории. Ярким примером здесь может служить Исландия рубежа X-XI веков. Ключевым источником, запечатлевшим этот переходный период, выступает «Сага о Ньяле» – крупнейшая из исландских родовых саг.

«Сага о Ньяле» – один из важнейших источников по истории Скандинавии. Её многослойная структура и близость ко времени крещения Исландии требуют от исследователя умения разграничить языческий пласт и поздние христианские добавления. Основная проблема заключается в том, чтобы проследить, как две противоположные системы – языческая, с культом чести, мести и рока, и христианская, с идеалами прощения, смирения и божественного промысла – взаимодействовали, конфликтовали и в итоге соединились в единую картину мира на страницах саги.

В медиевистике понятие «языческое миропонимание» применительно к сагам рассматривается в трудах М.И. Стеблин-Каменского. Это не просто набор верований, а «фаталистический кодекс» – система ценностей, где честь требует мести, а месть понимается как исполнение предначертанной судьбы [4]. Учёный подчёркивал, что саги были записаны спустя двести лет после принятия христианства, но их мировоззренческой основой осталось язычество с его базовыми категориями – честь, месть и рок [4]. Эта система проявлялась в трёх формах: этической (месть как священный долг), фаталистической (вера в неотвратимость судьбы) и ритуальной (жертвоприношения и колдовство). Христианство же представляло для исландцев тройной вызов: этический (прощение против мести), мировоззренческий (божественный промысел против фатализма) и ритуальный (таинства против магических практик).

Однако здесь возникает серьёзная проблема. Текст саги был записан спустя два столетия после описываемых событий и редактировался христианами.

Как отмечает А.А. Сванидзе, «искажение первоначального текста за счёт ламентаций, осуждений и назиданий христианского толка теми, кто сагу записывал, имело место» [3]. Это означает, что при разборе саги нельзя просто разделять её на языческие и христианские фрагменты. Такой подход ведёт к крайностям: сагу начинают воспринимать либо как свидетельство полной победы христианства, либо как скрытую защиту язычества.

Можно выделить несколько ключевых эпизодов, в которых наиболее ярко отражается конфликт и синтез двух мировоззрений: принятие христианства на Альтинге, сожжение Ньяля, примирение Флоси и Кари.

Сцена принятия христианства на Альтинге имеет подчёркнуто политический характер. Исландцы принимают новую веру не в результате чуда, а выслушивают речь законоговорителя Торгейра, который ставит единство нации и верховенство закона выше религиозных разногласий. Компромисс проявляется в том, что публично принимаются христианские законы, но тайно разрешается практиковать языческие обряды [2]. Как отмечает Г.В. Глазырина, это было политическим решением для предотвращения раскола общества и узаконило двоеверие [1].

Сцена сожжения Ньяля демонстрирует двойственность поведения героев. Ньяль и Бергтора во время пожара не борются и не проклинают врагов, как подобало бы языческим героям, а смиренно ложатся в постель, крестятся и поручают свою душу Богу [2]. Возникает эффект наложения христианского идеала мученичества на языческую тему достойной гибели. С другой стороны, языческая вера в неотвратимый рок продолжает определять поведение персонажей: ещё до пожара Скарпхедин отказывается уничтожить стог сена, предсказанный старухой Сеунн как источник опасности, считая, что если им суждено сгореть, то найдется чем поджечь дом [2].

Сцена примирения Флоси и Кари позволяет увидеть, как христианский идеал прощения приходит на смену закону кровной мести. Кари сначала последовательно исполняет долг мести, всегда объявляя, кто и за что убивает врагов [2].

Завершив месть, он отправляется в паломничество в Рим за искуплением грехов и лишь после этого оказывается способен на личное примирение с Флоси [2]. Кари проходит полный круг: исполняет языческий долг чести, а затем совершает христианский акт искупления.

Причина синтеза, а не замены одной религии другой, заключается в уникальности исландского пути христианизации. Как подчёркивает М.И. Стеблин-Каменский, «всюду в Европе введение христианства сопровождалось искоренением народной языческой традиции. В Исландии введение христианства привело к бережному сохранению этой традиции» [4]. Новая вера не уничтожала старую, а переосмысливала и вбирала в себя её ключевые элементы.

Живым воплощением этого синтеза выступает фигура Ньяля. Он величайший знаток закона, следует кодексу чести и принимает необходимость мести, когда оправдывает Амунди, убившего обидчика своего отца [2]. При этом мудрость помогает ему одному из первых разглядеть христианскую истину. Он умирает как христианин, но его хоронят с почестями, подобающими великому вождю языческой эпохи, а его лик сияет после смерти – чудо, значимое для обеих религий. Исследователь, ищущий языческий субстрат, находит в тексте разветвлённую систему предзнаменований: сон Флоси о Железном Гримере, пророчество валькирий, предсказание старухи Сеунн – все эти эпизоды подтверждают всемогущество неумолимого рока [2]. Исследователь же, сосредоточенный на христианском слое, получает материал в виде чудес, молитв и актов смирения.

Проведённый анализ показывает, что само по себе наличие в саге христианских и языческих элементов не раскрывает логики их взаимодействия. Для её понимания необходимо учитывать специфику исландского двоеверия, при котором публичное христианство сосуществовало с тайным язычеством в быту, а также принимать во внимание позднюю христианскую редактуру текста, разграничивая событийную канву и оценки переписчиков XIII века.

Изучение религиозного синтеза в саге сопряжено с трудностями. Главная из них – опасность приписать средневековому человеку современный взгляд на религию. Исландец эпохи саг не разделял верования на «старые» и «новые» в привычном нам смысле. Ещё одна трудность – недостаточность источников: основные выводы об исландском двоеверии строятся на «Саге о Ньяле», что ограничивает возможность широких обобщений без привлечения других родовых саг.

Разбор ключевых сцен «Саги о Ньяле» – от компромисса на Альтинге до примирения Флоси и Кари – показывает, что смена религий в Исландии не была разрывом с прошлым. Языческая картина мира продолжала определять поведение героев и после принятия христианства, а новые ценности прощения и смирения не отменяли старые категории чести и долга, но создавали условия для прекращения родовой вражды. В этом главный итог: сага фиксирует не победу одной традиции над другой, а их постепенное соединение, обеспечившее устойчивость исландского общества в переходную эпоху.

Таким образом, «Сага о Ньяле» позволяет увидеть смену религиозных эпох как длительный диалог двух мировоззрений, где языческая честь и христианское прощение, рок и божественный промысел образовали сложное единство, обеспечившее культурную преемственность исландского общества

Список литературы:

1. Глазырина Г.В. Странствующие миссионеры // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год: Памяти Галины Васильевны Глазыриной. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. – С. 231-238.
2. Исландские саги. Сага о Ньяле / Перевод В.П. Беркова, С.Д. Кацнельсона, М.И. Стеблин-Каменского – Москва: Гослитиздат, 1956.– 783 с
3. Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2014. – 800 с.
4. Стеблин-Каменский М.И. Культура Исландии. – Ленинград: Наука, 1967. – 194 с

